

Выступление М.С.Горбачева на Форуме новой политики,

Берлин, 8 ноября 2014 г.

I

Приветствую всех участников нашей конференции. Рад видеть среди них и ветеранов Форума, и новые лица. Рассчитываю на то, что все они внесут вклад в серьезный конструктивный диалог, который так необходим нам сегодня.

Наша конференция проходит в дни, когда отмечается 25-летие падения Стены, разделявшей Германию и всю Европу. И прежде всего я хочу поздравить немцев и всех нас с годовщиной этого действительно исторического события.

Исторические сдвиги, которые кажутся современникам неожиданными, могут впоследствии казаться неизбежными, predetermined. Но вспомним то время. Вспомним, как бурно, остро развивались процессы перемен. Их итог – мирное объединение Германии – оказался возможным только потому, что был подготовлен огромными изменениями в мировой политике, в сознании людей.

Начало этим изменениям положила перестройка в СССР. Став на путь реформ, гласности, свободы, мы не могли закрыть этот путь для стран Центральной и Восточной Европы. Мы отказались от «доктрины Брежнева», признали самостоятельность этих государств, их ответственность перед своими народами. Об этом я заявил их руководителям на первой же нашей встрече в Москве.

Когда под воздействием перемен в Советском Союзе ускорились внутривосточные процессы у наших соседей, когда граждане ГДР потребовали сначала реформ, а затем объединения, это поставило руководство СССР перед необходимостью непростых решений.

Не только у нас, но и во многих европейских странах высказывались сомнения и опасения в связи с процессом объединения. Сомнения таких

политиков, как Маргарет Тэтчер и Франсуа Миттеран, можно было понять. Хотя бы потому, что еще не стерлись воспоминания о трагедии второй мировой войны. Были для их настороженности и другие причины.

Тем более они были у народов нашей страны, больше всего пострадавшей от гитлеровской агрессии.

А события развивались стремительно. И главным действующим лицом в них был народ – люди, требовавшие перемен, заявившие о своем намерении жить в единой стране. Их лозунгом стали слова: Мы один народ.

На совещании советского руководства в январе 1990 года мы обсудили сложившуюся ситуацию и пришли к единодушному выводу: СССР не должен препятствовать объединению. Но оно должно произойти так, чтобы это отвечало интересам и самих немцев, и всей Европы, и нашей страны.

Если бы мы уклонились от реалистической, ответственной оценки, если бы было принято другое решение, события могли принять совершенно другой, драматический оборот. А применение силы было чревато масштабным кровопролитием.

Мы пошли по пути, который требовал политических решений, активной дипломатии. Для урегулирования внешних аспектов объединения Германии был создан механизм 2+4. И самым трудным вопросом оказался вопрос о членстве объединенной Германии в НАТО.

Я выступал за нейтральную Германию. Президент Буш возражал: Вы что, боитесь немцев? Тогда их нужно включить, «укоренить» в НАТО. На это я сказал: А по-моему это вы боитесь немцев.

Обсуждались разные варианты. В конце концов, было решено, что объединенная Германия сама решит вопрос о своей принадлежности к альянсу, но при этом должны быть учтены интересы безопасности СССР.

Это потребовало напряженных переговоров. И в Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии были зафиксированы следующие положения:

- о пребывании советских войск на территории бывшей ГДР в течение

переходного периода;

- о размещении на этой территории иностранных войск НАТО после окончания переходного периода;

- о размещении там ядерного оружия;

- о значительном, почти наполовину, сокращении численности вооруженных сил ФРГ.

Это были серьезные обязательства, и на протяжении всего последующего периода они соблюдаются.

В эти годы немцы доказали свою приверженность миру и демократии, а правительство Германии действовало на международной арене в целом конструктивно и ответственно.

Уверен, что история даст высокую оценку действиям политических лидеров того времени.

II

Объединение Германии было одним из важнейших шагов в процессе окончания холодной войны. Перед миром – и особенно перед Европой – открылись новые перспективы. Контуры новой Европы были намечены в Парижской Хартии, подписанной руководителями всех европейских стран, а также США и Канады.

Казалось, именно Европа станет примером для других, создав прочную систему взаимной безопасности, став лидером в решении проблем глобального мира.

Но события пошли по другому вектору.

Европейская и мировая политика не выдержали испытания обновлением, новыми условиями глобального мира после холодной войны.

Приходится констатировать, что с момента создания нашего Форума в начале нынешнего века **никогда еще мы не собирались в столь напряженной, чреватой опасностями обстановке.** Кровопролитные события в Европе и на Ближнем Востоке на фоне фактического прекращения диалога ведущих держав вызывают огромную тревогу. Мир стоит на грани

новой холодной войны. Говорят даже, что она уже началась.

И в этой острейшей ситуации не видно роли и конкретных действий главного международного органа – Совета Безопасности ООН. Что он сделал, чтобы остановить стрельбу, гибель людей? Необходимо было действовать решительно, оценить обстановку, выработать программу совместных действий. Но это не было сделано, и не делается сейчас. Почему?

То, что произошло в последние несколько месяцев, я бы охарактеризовал как коллапс доверия. Доверия, которое с таким трудом, взаимными усилиями мы создали на выходе из холодной войны. Доверия, без которого международные отношения в глобальном мире немислимы.

Но связывать это лишь с последними событиями – ошибочно. Здесь я должен быть с вами откровенен. Доверие было подорвано не вчера, а гораздо раньше. Корни нынешней ситуации – в событиях 90-х годов.

Конец холодной войны были лишь началом пути к новой Европе и более безопасному мировому порядку. Но вместо того, чтобы выстраивать механизмы и институты европейской безопасности, провести масштабную демилитаризацию европейской политики (что, кстати, было обещано в Лондонской декларации НАТО), Запад и особенно США объявили себя победителями в холодной войне. Лидерам западного мира ударили в голову эйфория, триумфаторство. Воспользовавшись ослаблением России, отсутствием противовеса, они заявили претензию на монопольное лидерство, доминирование в мире. К предостережениям, с которыми выступали в том числе и многие присутствующие здесь, не прислушивались.

События последних месяцев стали следствием недальновидной политики – политики навязывания своей воли, свершившихся фактов, игнорирования интересов партнеров.

Пунктиром перечислю: расширение НАТО, Югославия, особенно Косово, планы ПРО, Ирак, Ливия, Сирия...

Образно говоря, возник нарыв, превратившийся в последние месяцы в кровоточащую, гноящуюся рану.

Кто больше всего страдает от происходящего? Думаю, здесь двух мнений быть не может. Это – наш общий дом, **Европа**.

Вместо того чтобы стать лидером перемен в глобальном мире, Европа оказалась ареной политических потрясений, соперничества за сферы влияния и, наконец, военного конфликта. Следствием всего этого является неизбежное ослабление Европы в то время как другие центры силы и влияния набирают мощь и динамику. Если так будет продолжаться, Европа утратит сильный голос в мировых делах, к ней перестанут прислушиваться.

Здесь, в Берлине, в дни годовщины падения стены, не могу не сказать о том, что все это негативно сказалось и на отношениях между Россией и Германией. Продолжение нынешней линии может нанести долгосрочный ущерб нашим отношениям, которые до сих пор были образцовыми. А ведь без российско-германского партнерства не может быть безопасной Европы.

III

Как же нам начать выходить из этой ситуации?

Опыт 80-х годов прошлого столетия свидетельствует, что даже самые, казалось бы, безнадежные ситуации не являются безвыходными. Обстановка в мире была тогда не менее острой и опасной, чем сейчас. Но мы смогли ее переломить. Не просто нормализовать отношения, а положить конец конфронтации, холодной войне. В этом – заслуга политических лидеров того времени.

Сделать это удалось прежде всего благодаря тому, что был возобновлен **диалог**.

Негативные тенденции можно остановить и обратить вспять. Главное при этом - политическая воля и правильная расстановка приоритетов.

Сегодня приоритетом номер один должно стать восстановление диалога, навыков взаимодействия, умения слушать и слышать друг друга.

Сейчас появились первые **признаки возобновления диалога**. Достигнуты первые, пока скромные и неустойчивые результаты. Я имею в виду минские договоренности о прекращении огня и военном разъединении

на Украине, трехсторонние договоренности по газу между Россией, Украиной и ЕС, приостановку процесса наращивания взаимных санкций.

В этой связи хочу призвать внимательно отнестись к недавнему выступлению Владимира Путина на Валдайском форуме. При всей остроте критических формулировок в отношении Запада и особенно США, я увидел в его речи стремление найти путь к снижению напряженности и в перспективе – созданию новой основы для партнерских отношений.

Надо как можно скорее переходить от полемики и взаимных обвинений к поиску точек соприкосновения, вести дело к постепенному демонтажу санкций, ущерб от которых несут обе стороны, прежде всего снять так называемые персональные санкции с политических деятелей и парламентариев, чтобы они могли присоединиться к поиску взаимоприемлемых решений.

Одним из направлений взаимодействия может стать помощь Украине в преодолении последствий братоубийственной войны, восстановлении пострадавших районов.

IV

Достичь перечисленных целей, которые можно отнести к ближайшим задачам, будет нелегко. Одновременно необходимы энергичные усилия по всем остальным направлениям общей повестки дня.

Можно выделить два направления, где диалог жизненно необходим и где ему нанесен большой ущерб. Это, во-первых, **сотрудничество в решении глобальных проблем** и, во-вторых, **общеевропейская безопасность**.

Глобальные проблемы - терроризм и экстремизм, в том числе религиозного толка; бедность, неравенство; экология, проблема ресурсов, волны миграции; эпидемии – усугубляются буквально с каждым днем.

И при всех различиях их объединяет одно: **ни у одной из них нет военного решения**. А политические механизмы их решения отсутствуют или работают плохо, постоянно опаздывают, отстают от темпов их обострения.

Уроки глобального кризиса, который еще не окончен, убеждают: нам нужно идти к новой модели, которая обеспечит и политическую, и экономическую, и экологическую устойчивость. И заниматься этим нужно уже сегодня.

Теперь о **европейской безопасности**. Думаю, мы еще раз убедились, что она может быть только общеевропейской. Никакие попытки решать эту проблему через расширение НАТО или «оборонную политику» ЕС положительных результатов дать не могут. Более того – они контрпродуктивны.

Вывод может быть только один – надо вернуться к планам и «чертежам» строительства такой системы европейской безопасности, которая давала бы уверенность и гарантии всем ее участникам.

Нужны институты и механизмы, которые функционировали бы в интересах всех. Надо признать, что ОБСЕ, с которой связывали такие надежды, эту задачу не выполнила.

Значит ли это, что надо ее «разрушить до основания» и на ее месте создавать что-то новое и невиданное? Не думаю. Тем более, что ОБСЕ сейчас приступила к выполнению серьезных контрольных функций на Украине. Но, образно говоря, это здание нуждается в капитальном ремонте и достройке.

В свое время такие политики, как Ганс-Дитрих Геншер и Брент Скоукрофт выдвигали идею создания Совета (или Директории) безопасности для Европы. Я разделял их подход. В том же направлении шла инициатива бывшего президента Дмитрия Медведева, которая предусматривала создание механизма европейской превентивной дипломатии и обязательных консультаций в случае возникновения угрозы безопасности любой из сторон. Если бы такой механизм был создан, можно было бы предотвратить наихудший сценарий украинских событий.

Почему эти и другие «европейские идеи» сданы в архив? Виноваты, конечно, в первую очередь лидеры. Но и мы с вами тоже. Я имею в виду

европейский политический класс, институты гражданского общества, средства массовой информации.

Сейчас нужна общественная инициатива по возобновлению строительства общеевропейского дома. Предлагаю подумать, в какой форме она может быть проявлена. Надеюсь, что в ходе нашей дискуссии будут высказаны оценки и конкретные предложения на этот счет.

V

Я по натуре не склонен к пессимизму. Всегда называл себя оптимистом. Но приходится признать: ситуация сейчас такова, что быть оптимистом очень трудно. И все-таки нельзя допустить паники, отчаяния, подчиниться негативной инерции. Это может затянуть нас в воронку, из которой уже не выбраться. Горький опыт последних месяцев должен быть переплавлен в волю к диалогу и сотрудничеству.

К этому я хочу призвать и наших лидеров, и нас с вами. Давайте вместе думать, предлагать, действовать.